

УДК 94(476) «1921/1939»

В.Ю. Павлючук

ОРГАНЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ БРЕСТСКОГО ПОВЕТА в 1926–1933 гг.

В статье рассматривается специфика повтового самоуправления восточных воеводств 2-й Польской Республики на примере Брестского повята Полесского воеводства. В качестве временных границ приняты следующие события: военный переворот, осуществленный Юзефом Пилсудским 12–14 мая 1926 г. (майский переворот), а также принятие Закона о частичном изменении устройства территориального самоуправления от 23 марта 1933 г. (известный в польской историографии как Закон об унификации – *Ustawa scaleniowa*). Органы самоуправления Брестского повята рассматриваются в рамках наиболее сложного и противоречивого периода в истории межвоенной Польши – периода трансформации демократических принципов государственного устройства в соответствии с политическими концепциями сторонников санации. Итоги выборов в органы повтового самоуправления рассматриваются с точки зрения представленности в них интересов отдельных конфессиональных и этнических групп населения повята. При работе над статьей использовались документы межвоенного периода, хранящиеся в фондах Государственного архива Брестской области, а также опубликованные в сборнике «Полесье в политике правительств 2-й Польской Республики», документы из Архива новых актов в Варшаве, Военного архива в Рембертове и Института-музея им. Сикорского в Лондоне. Учтены данные всеобщих переписей населения, проведенных в Польше в 1921 и 1931 гг.

Характеристика повята. Административное деление

Брестский повят находился на периферии экономических и культурных центров межвоенной Польши и обладал сложной этнической, социальной, языковой и конфессиональной структурой. Данные факторы оказали свое влияние на результаты выборов в органы самоуправления и их функционирование на уровне повята.

Административное деление восточных территорий межвоенной Польши после польско-советской войны определялось законом от 4 февраля 1921 г., в соответствии с которым Брестский повят был одним из 10 (после 1930 г. – 9) повотов Полесского воеводства. Повят располагался в западной части воеводства, с востока граничил с Пружанским и Кобринским повятами того же воеводства, с севера – с Белостокским воеводством, с запада – с Люблинским воеводством, с юга – с Волынским воеводством.

С 1922 г. на территории повята находились 22 сельские и 2 городские гмины, причем города Высокое-Литовское и Каменец-Литовский были центрами соответствующих и городских, и сельских гмин. В соответствии с действовавшим законодательством Брестский повят являлся повтовым коммунальным союзом, из которого был исключен административный центр воеводства и повята г. Брест-над-Бугом, как насчитывающий более 25 тыс. жителей. В 1928 г. произошло укрупнение гмин, в результате чего были ликвидированы сельские гмины Дворцы, Лыщицы, Половцы, Приборово, Радваничи, Войско и Житин, земли которых вошли в состав более крупных гмин повята [23]. Таким образом, с 1928 г. на территории повята располагались 15 сельских и 2 городские гмины.

В разные годы площадь Брестского повята составляла 11–12% площади Полесского воеводства: 1 июля 1923 г. – 4 840 км², в 1930 г. – 4 648 км², 1 апреля 1932 г. – 4 623 км². Брестский повят занимал первое место в воеводстве по численности и плотности населения (48 чел. на 1 км²). Северная и южная части Брестского повята существенно различались по условиям хозяйствования. В северных гминах повята было не менее 50% пахотной земли, в то время как в южных гминах ее было не более 10%, а значительную часть территории занимали леса и болота. На более освоенную северную часть повята приходилось около 2/3 населения [22, с. 14–15; 10, с. 92–93].

В 1929 г. на территории повята находились 866 населенных пунктов, в т.ч. три города: Брест-над-Бугом, Высокое-Литовское, Каменец-Литовский [10, с. 92]. Большая

часть населения повета была занята в сельском хозяйстве – 145,1 тыс. чел. В промышленности трудились 25,4 тыс. чел., в торговле – 12,0 тыс. чел., на транспорте – 11,2 тыс. чел., на государственной службе – 5,8 тыс. чел., в образовании и медицине – 3,8 тыс. чел., в лесном хозяйстве – 1,0 тыс. чел., в прочих отраслях экономики – 11,7 тыс. чел. [10, с. 93].

Население

В целом местное население характеризовал низкий уровень экономического развития, политической активности и грамотности: в начале 1920-х гг. 85% взрослых были неграмотны, в конце 1920-х г. – 65% [16, с. 28; 11, с. 14].

Опубликованные Главным статистическим управлением Польши результаты всеобщих переписей 1921 и 1931 гг. содержат данные, касающиеся национальной структуры Брестского повета. В 1921 г. анкетиремым задавали вопросы об исповедании и национальности, а в 1931 г. – об исповедании и родном языке.

Первая всеобщая перепись населения межвоенной Польши проводилась на заключительной стадии массового возвращения населения из беженства (1918–1921). По Брестскому повету в период 1921–1931 гг. прирост населения в отдельных гминах составил до 126%. Во время проведения переписи (уже на стадии опроса) имели место неточности и фальсификация данных. В качестве лиц польской национальности зачастую фиксировались представители местного населения, испытывающие трудности с определением собственной национальной принадлежности. Не исключено, что некоторые опрашиваемые называли себя поляками, опасаясь возможных репрессий со стороны польского государства. Дополнительным фактором ошибок в данных была малограмотность переписчиков [22, с. 20–23; 18, с. 7]. В соответствии с данными Первой переписи [21, с. 3–13], в 1921 г. население Брестского повета составило 87 тыс. чел. (41,7 тыс. мужчин и 45,3 тыс. женщин). (Следует отметить, что в рамках данной статьи в целях оценки репрезентативности выборных органов самоуправления здесь и далее в тексте не учитываются данные по городу Бресту-над-Бугом, как не входящему в Брестский поветовый коммунальный союз, население которого, таким образом, не участвовало в выборах в поветовый сеймик).

Крупнейшей религиозной общиной повета были православные – 68,0 тыс. чел. (78,1%). Крупными религиозными группами были также католики – 8,7 тыс. чел. (10,1%), иудеи – 8,2 тыс. чел. (9,4%) и лютеране – 2,1 тыс. чел. (2,4%). Данные переписи 1921 г. содержат следующие сведения по национальности анкетиремых: 52,3 тыс. белорусов (60,1%); 23,8 тыс. поляков (27,4%); 7,6 тыс. евреев (8,8%); 2,4 тыс. русинов и украинцев (2,9%); 0,7 тыс. человек прочих национальностей (0,8%), в т.ч. полешуков и русских [21, с. 3–13].

Вторая всеобщая перепись населения проводилась в 1931 г. в более стабильной обстановке. Определенное влияние на этническую картину в повете оказало массовое переселение на восток польских чиновников из центральных и западных воеводств. Значительная часть поляков прибыла именно в Брестский повет ввиду его расположения в непосредственном примыкании к административному центру воеводства городу Бресту-над-Бугом, а также ввиду географической близости повета к регионам центральной Польши [22, с. 22–23, 35]. Численность населения повета составила в 1931 г. 167,5 тыс. человек (почти двукратный рост в сравнении с 1921 г. – 192,6%): 81,1 тыс. мужчин и 86,4 тыс. женщин. Как было указано выше, высокий прирост населения был связан в первую очередь с возвращением из беженства репатриантов. Как и в 1921 г., наиболее многочисленной группой были православные – 126,9 тыс. чел. (75,8%). В то же время существенно (в три раза) выросла численность католиков – до 25,2 тыс. чел. (15,1%). Меньшим был рост численности иудеев – до 10,8 тыс. чел. (6,5%) и лютеран –

до 2,7 тыс. человек (1,6%). Следует отметить, что на фоне общего роста всех религиозных групп в гминах повета в городских гминах численность православных снизилась с 408 до 247 человек [12, с. 24].

В 1931 г. 93,1 тыс. жителей повета указали в качестве родного «тутэйшы» язык (55,6%); 29,6 тыс. чел. (17,7%) – польский язык; 17,5 тыс. чел. (10,5%) – украинский; 15,7 тыс. чел. (9,4%) – белорусский; 10,8 тыс. чел. (6,4%) – иврит и идиш; 0,8 тыс. чел. (0,4%) – другой язык [12, с. 25].

Изменения в конфессиональной структуре населения сельских и городских гмин повета в период 1921–1931 гг. показаны в диаграмме на рисунке.

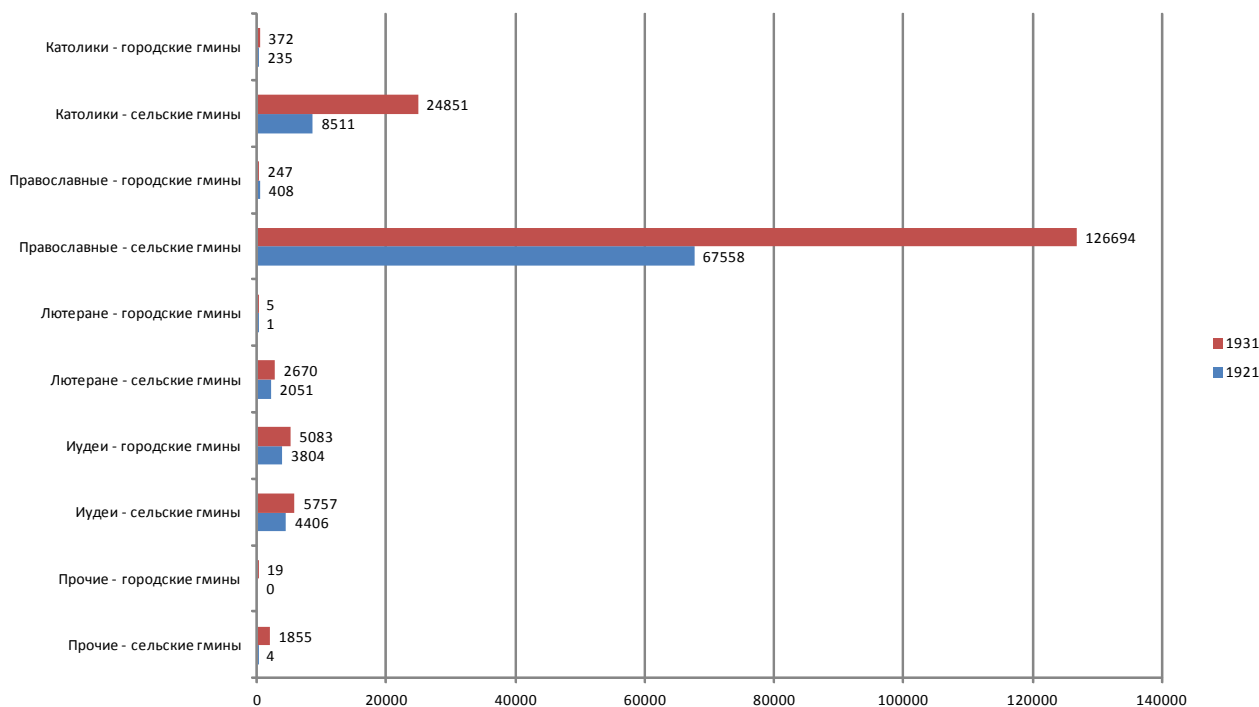

Рисунок – Конфессиональная принадлежность населения городских и сельских гмин Брестского повета в 1921–1931 гг., чел.

Анализ данных второй всеобщей переписи населения по Полесскому воеводству показывает, что в подавляющем большинстве случаев имела место корреляция между католическим исповеданием и польской национальностью. Данный вывод вполне применим к Брестскому повету. Польское население на территории Брестского повета, являясь меньшинством, обнаруживало тенденцию как к абсолютному, так и относительному росту прежде всего благодаря прибытию этнического польского населения из западных и центральных воеводств польского государства [22, с. 34]. На территории повета католики традиционно являлись большинством жителей фольварков, колоний и шляхетских деревень.

Православные населяли сельские районы, где практически во всех населенных пунктах составляли 70–100% жителей. Достаточно сложным является вопрос этнической принадлежности православного населения повета. До Первой мировой войны царское правительство, располагавшее всеми необходимыми для этого ресурсами, активно проводило политику русификации, направленную на искоренение исторической памяти о существовании ранее на этой территории иных государственных образований. Белорусское и украинское национальное самосознание начало формироваться на террито-

рии Полесского воеводства достаточно поздно, в конце XIX в., а на территории Брестского повета – в период после Первой мировой войны. Характерной была корреляция между национальностью (точнее, способностью национального самоопределения) и социальным положением. Помещики и потомки малоземельной шляхты считали себя поляками, крестьяне же часто определяли себя как «тутэйших» [16, с. 203; 22, с. 32].

Значительное число православных жителей Брестского повета во время переписи 1921 г. назвали себя белорусами. Вместе с тем попытки белорусских активистов оживить позднее белорусское национальное движение на территории Полесья были практически безрезультатны [24, с. 120–122; 17, с. 152–153].

В 1931 г. свидетельством национального самоопределения православных было декларирование украинского или белорусского языка в качестве родного. Большое влияние на формирование в этом случае национального самоопределения имело членство в украинских и белорусских политических организациях. К наиболее влиятельным относились украинская революционная партия Сельроб, тесно сотрудничающая с Коммунистической партией Западной Украины (КПЗУ), а также Коммунистическая партия Западной Белоруссии (КПЗБ) и связанные с ней организации. Несмотря на декларирование украинского или белорусского языков в качестве родного, местные жители практически никогда не сталкивались с их литературными формами, используя в речи переходные от украинского к белорусскому диалектные формы [17, с. 152; 24, с. 123–124].

Современный польский исследователь В. Слешиньский обращает внимание на то, что только на Полесье была выделена этническая группа «тутэйших», что, в принципе, соответствовало интересам санационных властей. Схожая ситуация была и в Украине, где властями различались украинцы и русины. Формальное сравнение результатов первой и второй переписей приводит к выводу о существенном снижении численности белорусов и одновременном увеличении численности полешуков [18, с. 11–12; 11, с. 12].

В 1920-е гг. начинает формироваться общая концепция полонизации «славянских нацменьшинств» Полесья. Планировалось, что на территории Полесского воеводства возникнет своего рода польский национальный коридор между белорусскими и украинскими этническими территориями. Общие положения концепции предусматривали, что ответственными за реализацию политики полонизации будут местные власти, плотно взаимодействующие с православной церковью с целью формирования позитивного имиджа польского государства у местного населения. В качестве важнейшего фактора рассматривалось существенное улучшение экономической ситуации на Полесье, что предусматривало значительные финансовые вложения. Ни одно из польских правительств до Майского переворота 1926 г. так и не смогло разработать детального плана необходимых мероприятий, а отсутствие необходимых финансовых ресурсов фактически перечеркнуло реализацию концепции национальной ассимиляции [18, с. 8–10].

Опасения, что «нацменьшинства» смогут получить контроль над органами местного самоуправления в восточных воеводствах и тем самым создать угрозу жизненно важным интересам польского государства, привели к изоляции местного непольского населения от участия в политической и общественной жизни страны и региона. Изолированные от участия в политической жизни группы становились легкодоступной мишенью для коммунистической пропаганды, чему способствовала также незавершенная земельная реформа (большое количество земли оставалось в руках немногочисленных крупных землевладельцев) и идеалистические представления о жизни в СССР. Результатом распространения антигосударственных настроений было недоверчивое, часто враждебное отношение местного непольского населения ко 2-й Польской Республике, которая оставалась для них чуждым образованием [18, с. 7, 16; 11, с. 16].

В Полесском воеводстве в 1931 г. количество человек с родным русским языком (16 346 чел.) в три раза превысило число жителей, продекларировавших русскую наци-

ональность во время переписи 1921 г. В 1928 г. во время выборов в Сейм за русский список № 20 проголосовало 20 561 чел. Санационные власти на основании этих данных пришли к выводу о возросшем русском влиянии на местное население, не имевшее сформированного национального самосознания [18, с. 67–73].

Русские на территории Брестского повета (394 чел. в 1921 г., 500 чел. с родным русским языком в 1931 г.) состояли из двух групп: русифицированного местного населения и лиц, прибывших из центральных областей России как до, так и после Октябрьской революции. В основном это была интеллигенция (помещики, представители свободных профессий, чиновники, духовенство, учителя). В Бресте функционировали русский частный детский сад, русская средняя школа и русскоязычная гимназия. Данные учреждения способствовали русификации детей и молодежи из местного населения, которые по возвращении в родные населенные пункты соответствующим образом воздействовали на свое окружение [18, с. 67–73, 199–201].

Евреи в Брестском повете, как и в прочих поветах восточных воеводств, населяли города и местечки (Высокое-Литовское, Домачево, Каменец-Литовский, Малорита), где составляли большую часть населения. В сельской местности в процентном отношении их было гораздо меньше, здесь они компактно проживали в основном в административных центрах гмин. Евреи были заняты в основном в секторе услуг и в торговле, а с политической точки зрения делились на множество партий и объединений, активных как на локальном, так и на общегосударственном уровне. Еврейское население Брестского повета и других административных единиц восточных воеводств было политически более активным, чем представители других этнических групп, даже более активным, чем пользовавшееся поддержкой государства польское население [9, с. 43].

Законодательные аспекты организации органов поветового самоуправления

После обретения Польшей независимости на территории государства действовали различные правовые нормы, регулирующие деятельность органов самоуправления. На территориях, ранее входивших в состав России, самоуправление поветов регулировалось двумя основными декретами: от 5 декабря 1918 г. «О временной избирательной системе в поветовые сеймики» [3, л. 2–2об] и от 4 февраля 1919 г. «О временной избирательной системе в поветах на территории Польши, ранее входивших в состав России» [14, с. 171–179]. Основными органами самоуправления были поветовый сеймик и поветовый отдел. Сеймик состоял из представителей всех сельских и городских гмин, находившихся на территории повета: по 2 члена избиралось от каждой сельской гмины и по 2–5 от каждой городской гмины. Срок действия мандата (каденция) сеймика составлял 3 года. Его основными функциями были принятие постановлений и осуществление контроля. По отношению к гминам на территории повета и их органам сеймик был органом высшей ступени. В сельских гминах депутатов поветового сеймика выбирали советы гмин. В городских гминах депутатов поветового сеймика выбирали члены городских советов и магистратов на совместном заседании под председательством бургомистра. Выборы в поветовый сеймик должны были проводиться незамедлительно после создания советов гмин и городских советов либо после их доукомплектования. В случае, если не все гмины и города, входящие в состав данного коммунального союза, могли провести выборы депутатов, сеймик созывался независимо от числа избранных. Депутатом поветового сеймика мог быть избран любой член соответствующего совета, умеющий читать по-польски. Выборы были тайными, избранными считались кандидаты, получившие наибольшее количество голосов. В случае равного количества голосов, избранным считался старший по возрасту кандидат [13; 3, л. 2].

Исполнительным органом сеймика был поветовый отдел, который устанавливал размеры местных налогов и сборов. В состав отдела входили староста повета (который

в межвоенной Польше был подчиненным воеводе руководителем государственной администрации на территории повета), выполнявший функции председателя отдела, и 6 членов отдела, выбираемых сеймиком. Задачи органов поветового самоуправления подразделялись на собственные (экономические вопросы, вопросы здравоохранения и культуры) и порученные (органами государственной администрации).

Расположенный на территории повета город с населением более 25 тыс. чел. мог получить статус выделенного города, т.е. самостоятельного самоуправляемого городского повета. В этом случае город не входил в поветовый коммунальный союз и не выбирал делегатов в поветовый сеймик. В соответствии с декретом от 1919 г. «О временной избирательной системе в поветах...» каждый повет представлял собой поветовый коммунальный союз [19, с. 311; 15, с. 153].

Целью майского переворота было реформирование принципов и сущности функционирования демократических институтов, в том числе местного самоуправления, направленные на их общегосударственную унификацию. Пилсудский и его единомышленники рассматривали местное самоуправление не как самостоятельный институт, посредством которого местное население реализует естественные права на решение собственных вопросов через выбранных представителей, но как продолжение на местах центральной власти. Сторонники санации негативно относились ко всем политическим организациям и стремились освободить форум органов самоуправления от неконструктивной деятельности политических партий, использующих его в собственных партикулярных целях. Предполагалось, что на достаточно дифференцированной территории, которой были восточные воеводства, отход от партийного деления позволит совместно и эффективно решать наиболее важные социальные проблемы, а также объединить меньшинства для реализации общегосударственных целей. Принятый 23 марта 1933 г. Закон об унификации трансформировал независимые до того органы местного самоуправления в один из элементов государственной власти [20, с. 279–283, 288].

Состав и деятельность органов самоуправления повета

В 1926 г. в состав поветового сеймика входило 49 депутатов. В том же году в целях доукомплектования были проведены выборы в гминах Дворцы, Малорита, Великорита, Войско, Олтуш (в этой гмине за бездействие ранее был распущен совет гмины), Каменица-Жировецкая и Косичи (в данном случае совет гмины был распущен в связи с изменением границ гмины) [1, л. 2об].

Санационное правительство, стремясь как можно быстрее обновить органы самоуправления, назначило по всей стране в 1927 г. новые выборы. В соответствии с рескриптом министра внутренних дел Польши в июне 1927 г. были распущены советы гмин в 20 гминах Брестского повета, функционировавшие уже после завершения срока действия их трехлетнего мандата. В связи с этим был распущен и поветовый сеймик. Новые выборы в советы гмин прошли до конца июня 1927 г., а в августе 1927 г. полеский воевода назначил выборы в Брестский поветовый сеймик [1, л. 2об].

После выборов, проведенных в августе 1927 г., сеймик состоял из 48 депутатов, 31 из которых были по роду занятий крестьянами (64,6%), 4 – торговцами (8,3%), 4 – помещиками (8,3%), 3 – промышленниками (6,3%), 3 – учителями (6,3%), 2 – осадниками и 1 – чиновником [4, л. 8об–9].

В связи с роспуском летом 1927 г. предыдущего сеймика 1 сентября того же года прекратил свою деятельность поветовый отдел. Состав нового поветового отдела был выбран сеймиком 8 октября 1927 г., но свою работу начал только в феврале 1928 г. в связи с постановкой на форуме сеймика вопроса о легитимности данных выборов.

В 1928 г. в Польше была проведена реформа административного деления, в результате которой ликвидировались территориально компактные и малонаселенные гми-

ны. В Брестском повете были ликвидированы гмины Дворцы, Лыщицы, Половцы, Приборова, Радваничи, Войско и Житин. Члены органов поветового самоуправления, избранные от данных гмин, утратили свои мандаты. Расположенные на территории гмин населенные пункты были включены в состав соседних гмин, которые, таким образом, изменили свои границы. В связи с изменением границ в гминах Домачево, Дмитровичи, Каменец-Литовский, Каменица-Жировецкая, Косичи, Малорита, Мотыкалы, Ратайчицы, Великорита, Верховичи и Высокое-Литовское были проведены новые выборы в советы гмин. Вновь избранные советы гмин, в свою очередь, выбрали новых депутатов сеймика. В результате в сеймик вошли 18 новых членов, т.е. состав сеймика обновился на 53%. В связи с обновлением состава сеймика на заседании 11 декабря 1928 г. прошли выборы в комиссию сеймика и поветовый отдел [4, л. 31об–32].

Большая часть постановлений органов местного самоуправления в 1926–1929 гг. касалась организационных и финансовых вопросов (выполнение бюджета, инвестиционная деятельность). Меньше внимания уделялось социальным вопросам.

Католиками были 48,4% депутатов сеймика и 55,6% членов всех структур поветовых органов самоуправления. Представители данной конфессии были большинством в пяти из восьми комиссий сеймика. В то же время в соответствии с данными переписи 1921 г. католики составляли лишь 10,1% населения повета. Это означает, что органы самоуправления Брестского повета фактически находились под контролем католического меньшинства, а православные (78,1% населения повета) были в значительной степени изолированы от принятия решений на уровне данных структур: православными были только 38,7% делегатов сеймика и 37,5% членов всех органов самоуправления вместе взятых. Но в некоторых структурах самоуправления повета православные были в большинстве, например, в таких важных комиссиях сеймика, как ревизионная, социально-санитарной защиты, воеводская восстановительная комиссия [4, л. 31об–32].

Лица иудейского исповедания составляли 9,7% депутатов сеймика и 4,2% всех органов самоуправления. Поскольку доля еврейского населения составляла 9,4% населения повета, то видно, что иудеи были представлены в сеймике пропорционально своей доле в общей численности населения повета. С другой стороны, ни в поветовом отделе, ни в комиссиях сеймика не было ни одного еврея [4, л. 31об–32].

В специализированных комиссиях сеймика (по сельскому хозяйству, социально-санитарной защиты, образования, технической) была высока доля лиц с высшим образованием. В то же время в ревизионной, финансовой, восстановительной комиссиях их не было вообще. Во всех органах самоуправления лица с высшим образованием составляли 20,8%, а в самом поветовом сеймике – только 6,5%. В сеймике, поветовом отделе, восстановительной комиссии и воеводской восстановительной комиссии большинство членов имели только базовое образование, причем в сеймике таких депутатов было 58,1%. По роду деятельности большая часть депутатов сеймика была крестьянами – 74,2%. Несколько меньшей (63,9%) была доля крестьян во всех органах поветового самоуправления. Таким образом, можно утверждать, что по крайней мере в период 1928–1929 гг. большинство депутатов Брестского поветового сеймика были крестьянами с базовым образованием [4, л. 31об–32].

Вследствие того, что депутаты сеймика от некоторых гмин (Домачево, Турна, Косичи, Каменица-Жировецкая, Олтуш, Медно, Высокое-Литовское) по различным причинам в 1929–30 гг. утратили свои мандаты, были проведены необходимые довыборы в сеймик [4, л. 31об–32]. В результате к 31 марта 1931 г. в составе сеймика осталось только 7 человек (20,6% общей численности депутатов) из его первоначального состава. На основании положений действующего законодательства, 8 мая 1931 г. Брестский поветовый сеймик был распущен рескриптом министра внутренних дел, который распорядился провести новые выборы.

Этничный состав вновь избранного поветового сеймика был таким: 17 депутатов (50,0% общего числа) – поляки, 8 человек (23,5%) – полешуки, 6 – украинцы (17,6%). Следует отметить, что один полешук и один украинец в других документах (в т.ч. протоколах советов гмин) были указаны как белорусы. На основании протоколов заседаний городских гмин Каменец-Литовский и Высокое-Литовское можем утверждать, что трое депутатов были еврейской национальности (8,8%) [6, л. 3, 14–14об].

Представлял ли в таком составе поветовый сеймик все группы населения Брестского повета? Если мы говорим о таких сельских гминах, как Домачево, Каменица-Жировецкая, Мотыкалы, Ратайчицы, Турна, Высокое-Литовское, обеих городских гминах, то да. В то же время в таких сельских гминах, как Дмитровичи, Каменец-Литовский, Косичи, Медно, Великорита, Верховичи, где один из двух избранных в сеймик депутатов был католиком по исповеданию и поляком по национальности, католики составляли менее 10% населения. От гмин Малорита, Отлтуш и Волчин в сеймик были избраны исключительно католики. В то же время в гминах Малорита и Волчин было соответственно 3% и 10% католического населения, а в гмине Олтуш, населенной почти исключительно православными, в 1921 г. было только 5 человек католического исповедания. По роду деятельности в сеймике было 29 крестьян, 3 торговца, 1 чиновник и 1 учитель.

Партийная принадлежность депутатов сеймика была такова: Беспартийный блок сотрудничества с правительством (ББСП) – 8 чел., Сельроб – 6, национал-демократическая партия – 1, христианско-демократическая партия – 1, Польское народное объединение «Освобождение» – 1, а также 1 человек с проправительственной ориентацией и не менее 9 человек беспартийных. Таким образом, наиболее влиятельными ориентациями были проправительственная – не менее 8 человек (23,5% общей численности депутатов) и левая (Сельроб) – не менее 5 человек (14,7%) [6, л. 3, 15–16].

Во 2-м полугодии 1932 г. в составе сеймика произошли очередные изменения: от гмины Верховичи были избраны депутат от КПЗБ и депутат, симпатизирующий КПЗБ. Избрание коммунистов в поветовый сеймик членами совета гмины могло быть вызвано ухудшающимся положением населения в условиях экономического кризиса. От гмин Олтуш и Дмитровичи были избраны два депутата из крестьян, беспартийные, православные, белорусы [7, л. 39–40; 8, л. 2, 10, 17].

Подводя итог, мы можем утверждать, что в исследуемом периоде 1926–1933 гг. деятельность органов самоуправления Брестского повета сводилась в основном к решению организационных и финансовых вопросов. Это вполне объяснимо, так как в условиях экономического кризиса и ограниченных финансовых ресурсов любые дополнительные инвестиции, например, в дорожную инфраструктуру, были весьма важны для развития не только самого повета, но и Полесского воеводства в целом.

Выводы

Брестский повет, входивший в состав Полесского воеводства, только частично относился к физико-географической области Полесья. Вместе с тем его в полной мере касалась этническая и политическая специфика данного региона. Большое значение для повета имел находившийся на его территории воеводский и поветовый административный центр Брест-над-Бугом. Город не входил в состав поветового коммунального союза, и представители органов городского самоуправления не выбирали своих депутатов в поветовый сеймик. Тем не менее Брест-над-Бугом оказал заметное влияние на политическую ориентацию и национальное самосознание местного населения повета. Существенное значение имела также близость территории повета по сравнению с другими поветами Полесского воеводства к центральным регионам Польши и его соседство с Белостокским, Люблинским и Волыньским воеводствами.

Северные гмины повета характеризовались лучшими условиями хозяйствования и большей плотностью населения. Можно предположить, что православное население северных гмин было политически более активным и отличалось сформированным национальным самосознанием; польское государство столкнулось здесь с результатами воздействия на местное население процессов русификации, украинизации и белорусизации. Существенно отличались городские и сельские гмины повета. В городских гминах подавляющее большинство населения составляли евреи. В сельских гминах большинством были православные представители «славянских меньшинств» – белорусы, полешуки и украинцы, которые в языковом и культурном аспектах фактически были единым целым. Отдельной специфичной группой православного населения повета была немногочисленная, но весьма влиятельная русская интеллигенция. Этнические поляки, будучи меньшинством и в местечках, и в деревнях, проживали в основном в сельских гминах повета.

В отличие от других регионов восточных воеводств межвоенной Польши на территории Брестского повета достаточно поздно (только после Первой мировой войны) начало формироваться национальное сознание местного населения. Намереваясь использовать сложившуюся ситуацию в целях закрепления польской государственности на данной территории, 2-я Польская Республика планировала привить польское национальное самосознание полешукам и создать своего рода польский этнический коридор между белорусами Новогрудского и Виленского воеводств на севере и украинцами на юге. Ожидалось, что местное население без особых затруднений можно будет включить в польский цивилизационный круг.

В действительности польское государство столкнулось на этом направлении со значительным противодействием различных сил, и одним из наиболее проблемных регионов оказался Брестский повет. С точки зрения проживающих в регионе русских, территории на восток от Буга были исконно российскими. Брест-над-Бугом был одним из главных центров русской культуры в межвоенной Польше и посредством русской интеллигенции и русскоязычных учреждений образования оказывал влияние на прилегающие территории. Кроме того русификацию местного населения поддерживало православное духовенство, воспитанное в великорусском духе. С территории Люблинского воеводства на территорию Брестского повета распространялось влияние украинских националистических организаций, которые считали юго-западную часть Полесского воеводства интегральной частью Украины. В свою очередь, близость Белостокского и Новогрудского воеводств повлияла на высокий (по меркам Полесского воеводства) уровень белорусского национального самосознания в Брестском повете.

Население повета воспринимало либерализм возрожденного польского государства как его очевидную слабость. В последующие годы на признание структур польского государства местным населением оказала влияние непоследовательная политика польских властей по отношению к восточным воеводствам. Сложное экономическое положение, до конца не решенный вопрос парцелляции земли, имевший большое значение для этого аграрного региона, и эффективная советская пропаганда повлияли на восприимчивость местного населения к коммунистическим идеям. Участие в белорусских и украинских коммунистических организациях было одним из ключевых факторов формирования соответствующего национального самосознания среди полешуков.

В рассматриваемый период более половины депутатов поветового сеймика и членов поветового отдела были поляками, которые фактически контролировали органы самоуправления. Это означает, что православное население было частично изолировано от возможности принятия решений на уровне поветового самоуправления.

Следует отметить высокий уровень неграмотности в повете. Учитывая, что немногочисленные грамотные православные получили образование в царских русско-

зычных школах, можно говорить о том, что только небольшой процент местного населения знал польский язык на уровне, позволявшем активно участвовать в работе органов самоуправления повата и гмин.

После майского переворота среди депутатов советов гмин оказалось множество лиц, поддерживающих санационное правительство, а также членов ББСП. Это свидетельствует о целевой политике правительства, заинтересованного в управляемых органах местного самоуправления. Политическая пассивность большей части местного православного населения была причиной отсутствия сторонников умеренных партий. В целом общепольские политические организации (за исключением ББСП) были в Брестском повате непопулярны. Малочисленных сторонников (в основном среди этнических поляков) имели только Польская социалистическая партия и национал-демократы.

Таким образом, советы гмин выбирали в поватовый сеймик, с одной стороны, помещиков и польских активистов, т.е. людей, которые были в состоянии обсуждать вопросы повата с представителями государственной администрации, а с другой – коммунистов, провозглашающих радикальные и антиправительственные лозунги. Возникает вопрос, насколько эффективным могло быть сотрудничество на форуме поватового сеймика депутатов с диаметрально противоположными политическими воззрениями?

Законодательство, регулирующее в рассматриваемый период функционирование органов самоуправления, носило временный характер и было формально демократическим. Фактически после майского переворота сеймик и его исполнительный орган (поватовый отдел) подчинялись старосте повата, который принимал все ключевые решения. В свою очередь, староста часто играл роль исполнителя решений воеводы, военных властей (руководства округа корпуса № 9) или министра внутренних дел.

Можно предположить, что второстепенная на практике роль поватового самоуправления не способствовала повышенному интересу к членству в его органах. Активные люди, попав в органы поватового самоуправления, могли достаточно быстро разочароваться в его эффективности и возможности повлиять лично на ход развития событий на территории повата. Кроме того, сложное экономическое положение Польши, и в особенности восточных воеводств, было фактором повышенной мобильности активных людей. В поисках работы или дополнительных источников дохода они были склонны к смене места жительства. В качестве примера можно привести отраженный в источниках факт эмиграции одного из депутатов поватового сеймика в Аргентину.

Таким образом личный состав поватового сеймика характеризовался значительной нестабильностью. В рассматриваемый период выборы в сеймик проводились дважды: в 1927 г. и в 1931 г. Дополнительно (каждый год и по разным причинам) проходили довыборы в сеймик по отдельным гминам. В связи с этим во время действия мандата сеймика 1927–1931 гг. его личный состав изменился на 80%.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАБО. – Фонд 49. – Оп. 1. – Д. 78.
2. ГАБО. – Фонд 49. – Оп. 1. – Д. 138.
3. ГАБО. – Фонд 49. – Оп. 1. – Д. 185.
4. ГАБО. – Фонд 49. – Оп. 1. – Д. 194.
5. ГАБО. – Фонд 49. – Оп. 1. – Д. 384.
6. ГАБО. – Фонд 49. – Оп. 1. – Д. 458.
7. ГАБО. – Фонд 49. – Оп. 1. – Д. 576.
8. ГАБО. – Фонд 49. – Оп. 1. – Д. 577.

9. Мошук, А.В. Политическая деятельность Бунда на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. / А.В. Мошук // Вестник Брэсц. ун-та. Сер. гуманіт. і грамад. навук. – 2007. – № 2 (29). – С. 43.
10. Памяць. Брэсцкі раён. – Мінск, 1998.
11. Cichoracki, P. Polesie nieidyliczne. Zaburzenia porządku publicznego w województwie Poleskim w latach trzydziestych XX w. / P. Cichoracki. – Łomianki, 2007.
12. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.12.1931. Województwo Poleskie. – Warszawa, 1938.
13. Dziennik Praw Państwa Polskiego. – 1918. – № 19. – п. 51.
14. Dziennik Praw Państwa Polskiego. – 1919. – № 13. – п. 141. – С. 171–179.
15. Grzybowska, M. Decentralizacja i samorząd w II Rzeczypospolitej / M. Grzybowska. – Kraków, 2003.
16. Kirwiel, E. Kresy Północno-Wschodnie Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1918–1939. Oblicze polityczne / E. Kirwiel. – Lublin, 2011.
17. Majecki, H. Problem samookreślenia narodowego Poleszuków w Polsce okresu międzywojennego / H. Majecki // Zaharoddzie. – 2001. – Т. 3. – С. 152–153.
18. Polesie w polityce rządów II Rzeczypospolitej. – Białystok – Kraków, 2009.
19. Radomski, G. Samorząd terytorialny w myśli politycznej narodowej demokracji 1918–1939 / G. Radomski. – Toruń, 2009.
20. Sidor, M. Samorząd terytorialny w myśli politycznej II Rzeczypospolitej Polskiej / M. Sidor. – Toruń, 2010.
21. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. – Т. 8. – Warszawa, 1924.
22. Tomaszewski, J. Z dziejów Polesia 1921–1939 / J. Tomaszewski. – Warszawa, 1965.
23. Województwa centralne i wschodnie Rzeczypospolitej Polskiej – podział na gminy według stanu z dnia 1 kwietnia 1933 roku. – Lwów, 1933.
24. Wysocki, A. Zarys problemu świadomości narodowej rdzennych mieszkańców województwa Poleskiego w świetle dokumentów Centralnego Archiwum Wojskowego / A. Wysocki // Biuletyn Wojskowej Służby Archiwalnej. – 2005. – № 27. – С. 120–135.

Pauliuchuk V.Y. Brest County Self-Government in 1926–1933

The article highlights the specifics of the county self-government in the eastern voivodeships of the Second Polish Republic by the example of Polesie Voivodeship's Brest County. The subject of the study is rather scantily investigated in both belarusian and polish historiographies. The time frames are: a coup d'état carried out in Poland by Marshal Józef Piłsudski between 12th and 14th May, 1926 (known as The May Coup d'État) and The Partial Change of the Local Self-Government Bill of 23rd March, 1933 (so called The Consolidation Bill). Thus, Brest County self-government is considered in the frames of such a complex and contradictory period in the mid-war polish history when principles of democratic government were being transformed according to the political concepts of the Sanation political movement. County Council election results are measured from the point of view of representation of particular religious and ethnic groups' interests in the Council. Some data of 1921–1926 period is also presented in the article to show all important facts connected with the approach.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.09.2013